

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОНД «ТАРИХ»

АЛЕКСАНДР БЕННИГСЕН

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ
НА КАВКАЗЕ В XVIII в.

(«Священная война» Шейха Мансура
(1785 — 1791 гг.). Малоизвестный период
и соперничество в русско-турецких отношениях)

МАХАЧКАЛА

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ФОНД «ТАРИХ»

АЛЕКСАНДР БЕННИГСЕН

НАРОДНОЕ ДВИЖЕНИЕ НА КАВКАЗЕ В XVIII в.

(«Священная война» Шейха Майсура
(1785 -- 1791 гг.)- Малоизвестный период
и соперничество в русско-турецких отношениях)

МАХАЧКАЛА

«ЕСЛИ ТЕБЯ ПОВЕДУТ КАК МАНСУРА К ВИСЕЛИЦЕ, ДЕРЖИСЬ МУЖЕСТВЕННО, ИБО МИР НЕ ПОСТОЯНЕН».

Перед Вами, дорогой читатель, небольшая по объему книжка, которую, если вы любите далекое и недавнее прошлое, интересуетесь историей многоликого и многоязычного Кавказа, прочтете с неослабевающим интересом. Ознакомьтесь с заслуживающим внимания примечательным явлением, почувствуете себя причастным к героической, драматической и трагической истории мужественных, стойких и непоколебимо преданных своей свободе, духовно богатых сынов Страны Гор. И не случайно мы этот небольшой вводный очерк озаглавили словами, проникнутыми жизнелюбием, мотивами, призывающими к верности, стойкости и последовательности, хотя и обличенные в форму суфийского поучения из произведения гениального поэта Востока Хафиза. Убеждены, что Вы, дорогой читатель, все это воспримите с пониманием. Автор предлагаемого исследования, ныне уже покойный историк и политолог Александр Беннигсен. Не останавливаясь на освещении его жизненного и творческого пути укажем, что он прямой потомок графа, генерала от кавалерии, активного участника Отечественной войны 1812 г. Л. Л. Беннигсена (1745 - 1826 гг.), родился в Санкт-Петербурге в 1913 г. Многие годы возглавлял исследовательский центр социальных исследований в Парижском университете. Свою работу о Шейхе Мансуре А. Беннегсен опубликовал на французском языке в 1964 г. в Париже*. Тогда оттиск этого труда он прислал Институту истории, языка и литературы Дагестанского филиала Академии наук СССР, с дарственной надписью авторскому коллективу «Очерков истории Дагестана».

К этому времени в нашей стране появился ряд журнально-газетных статей, ставивших в порядок дня исправление искажений, допущенных в освещении национальных движений. 4 - 7 октября 1956 г. в Махачкале и 15 - 19 ноября того же года в Москве прошли Всесоюзные научные конференции. В итоговом документе², принятом участниками махачкалинской сессии, отмечалось, что «колониальный гнет самодержавия и все усиливающийся в связи с этим гнет местных феодалов, вызывали глубочайший протест народных масс.

* *Bennigsen A. "Un mouvement populaire au Caucase au XVIII-e siècle. La «Guerre Sainte» du sheikh Mansur (1785 — 1791), page mal connue et controversée des relations Russo — Turques". 3*

Малочисленные горские народности оказались вынужденными вступить в неравную борьбу со своими поработителями. Нет никакого сомнения в том, что движение кавказских горцев не было движением, инспирируемым извне, хотя враждебные России державы постарались использовать его в своих корыстных целях. Весь имеющийся у нас материал бесспорно доказывает, что движение выросло на социально-экономической почве Северо-Восточного Кавказа. Движение горцев под руководством Шамиля, рассматриваемое как мюридистское, в действительности было народным»³. После жарких дебатов и дискуссий, в которых приняли участие историки Москвы, Ленинграда, Дагестана, Сев. Осетии, Кабарды, Черкессии, Адыгеи, Абхазии, Азербайджана, Грузии, Армении, Казахстана, Киргизии¹ и др., из республик Средней Азии и Казахстана прибыла представительная группа чечено-ингушских историков, писателей и поэтов, среди которых был и незабвенный М. Мамакаев, большинство участников конференции признали, «что антинаучная версия об агентурном характере движения горских народов должна быть решительно отвергнута, и что завоевательная и колониальная политика царизма, опирающаяся на местных феодалов, а так же обострение классовой борьбы внутри горского общества, являлись основными причинами этих движений». В ходе дискуссий стало очевидным, что антиколониальная справедливая борьба горских народов Кавказа против царских колонизаторов развивалась неодинаковым путем и приобретала разные формы. Одной из форм этой борьбы было движение под флагом мюридизма, развернувшееся под руководством Шамиля в горном Дагестане и Чечне»⁴. Мы обратились к этим, можно сказать этапным событиям давно минувших дней в истории северо-кавказских народов, чтобы еще раз напомнить нашим читателям ту известную истину, что совершить ошибку проще, а исправить ее значительно труднее. Чтобы показать, что некоторые амбициозные сограждане наши, очертя голову, не задумываясь о будущем, в поисках сиюминутной выгоды и известности, участвовали, а то и руководили хорошо отрежессированным спектаклем, клеветали и охаивали прошлое своих народов, а позднее часть из них вынуждены оказались каяться. Кстати сказать, более ретивые из них, совершив кульбит, вновь бросились критиковать и обвинять своих недавних единомышленников. О, времена, о, люди! Число таких, с позволения сказать, радетелей национальных интересов, обладающих повышенной проходимостью, в последнее время выросло у нас в геометрической прогрессии. Несчастные не понимают, или не хотят понять, что «служенье муз не терпит суеты» (А. С. Пушкин). За более чем двухсотлетнюю историю движения под предводительством шейха Мансура оценивалось неоднозначно.

Основному тексту своей работы автор предпослал краткий историографический очерк, из

которого широкому кругу читателей трудно представить как и в каких условиях происходило и происходит исследование этого вопроса в нашей стране и за рубежом.

Поэтому, мы, не претендуя на исчерпывающий анализ всех трудов, посвященных освещению этой сложной проблемы, решились остановиться лишь на работах более известных, которые позволят вдумчивому читателю представить во всем объеме историю этой, в некоторой степени искусственно осложненной проблемы. Естественно, что первую оценку Шейху Мансуру и движению, возглавляемому им, как и следовало ожидать, дали царские офицеры и непосредственные участники подавления восстания. Уже в первых донесениях с мест офицеры кавказской армии называют Ушурму не иначе, как «бунтовщик», «обманщик»¹, «известный бунтовщик и обманщик»⁵. В марте 1785 г. Кизлярский комендант Вешняков в своем донесении подчеркивал: «по достоверным известиям узнал я, что именуемый себя имамом ни что иное, как только подставное лицо». Турецкий шпион, который, «как видно нарочно для сего возмущения послан, чтобы через сие могла разорваться тишина и спокойствие»⁶. Около того же времени в письме, адресованном «владельцам, старшинам и народам» тот же Вешняков писал: «Слышно, что в Алдынской деревне объявил себя (из самого подлейшего происхождения и будучи прежде пастухом) Шейхом; приласкал к себе народ всякими лжевымышленными предсказаниями и делает из него скопище, намереваясь» с этой «разбойничью толпою еще вред российским селениям нанести»⁷.

Одним из первых из исследователей шейха-Мансура охарактеризовал известный кавказовед, современник событий, академик П. Г. Бутков. В его широкоизвестном трехтомном сочинении «Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг.» имеется пометка: «Лже-пророка я сам видел при взятии его в плен в покоренной штурмом Анапе 22 июня 1791 г.». Эта запись была сделана в 1806 г. Кстати сказать, лже-пророком Ушурму называют чуть-ли не во всех официальных документах. Так же его оценивала и сама императрица Екатерина II. И ничего удивительного в этом нет, что эта оценка сановных лиц расплзлась не только по страницам журнально-газетных статей, но и прочно укрепились в монографических исследованиях последующих историков. А в середине XIX в. была даже опубликована работа, которая так и была озаглавлена «Лже-пророк Мансур»⁷. Более того в целом ряде работ Ушурму представляли так же чужеземцем. Известный востоковед В. Н. Ханыков уверял, что «Шейх Мансур, беспокоивший здешние страны (т. е. Кавказ — В. Г.) первой проповедью о вере в конце прошлого века, был уроженец Оренбургской степи и заимствовал свои знания и фанатизм от бухарских выходцев, если только сам не воспитывался в Бухаре»⁸. Другой крупный отечественный востоковед, уроженец г. Дербента, профессор Санкт-Петербургского университета

М. Казимбек писал: «Из Оренбургских татар некто Мансур, окончив свое духовное воспитание в Бухаре, вернулся в Отечество в 1742 г. не находя здесь удобства для своих поисков, тогда пробрался через Астрахань, в Юго-Восточный Дагестан, где стал известен под именем Шейх-Алауд-Дина Мансура: он бы сделал много зла там — начало уже было положено — если бы покорение этой части Дагестана и утверждение там русского оружия не положили конец успехам злоумышленника»⁹. Когда царское правительство занято было учреждением военных укреплений и редутов, писал в 1868 г. в своей книге, оставшейся неопубликованной, М. М. Новоковский: «...явился в Чечене уроженец Оренбургских степей бухарский фанатик Шейх-Мансур. На проповеди его откликнулись многие горцы и с толпами охотников до грабежа и разгульной жизни Мансур носился около русских укреплений, являлся и перед Кизляром»¹⁰. Как видно, версия об оренбургском происхождении Мансура в прошлом столетии была довольно распространена. Несколько иной точки зрения на движение Шейха Мансура придерживался крупный военный историк России, акад. Н. Дубровин. В 1785 г., пишет он, в Чечне явился пророк по имени Мансура, уроженец сел. Алтыка-бак. И в подстрочном примечании пояснял, что так сами чеченцы называют сел. Алды¹¹. Чуть ниже он назвал уже Мансура «лжепророком»¹². Академик признавал, что «в первое время появления Мансура смотрели на него сначала как на эмиссара, подосланного турками, а потом как на пришельца, ждущего поддержки Порты... Все это предположения», — говорил он. И далее подчеркивал, что Мансур никогда не был прямым орудием турок»¹³. «Правительство Турции, -- заключал Н. Ф. Дубровин, — лишь постаралось войти с ним в сношение и употребить его орудием для исполнения своих желаний»¹⁴. Если суммировать все сказанное, вырисовывается определенный образ Ушурмы. Он не был пророком, не был ставленником Османов, а движение, предводительствованное им, не было инспирировано эмиссарами султана, которые различными посулами пытались использовать горцев в своих целях. В свою очередь предводитель горцев Мансур напротив надеялся получить какую-либо помощь и поддержку султана. В таком, или очень схожем с этим, ключе писали и другие авторы.

Что же касается исследований зарубежных авторов, то в них личность шейха Мансура (Ушурмы) оказалась полностью искаженной. И начало этому положила статья д'Анкона, изданная в 1881 г. в журнале «*Fanfulla de La Domenica*» и статья Ганьера в «*Nouvelle Revue*» от 15 мая 1884 г. Если верить указанным авторам, то для написания своих работ они использовали материалы профессора Туринского университета Оттино, и особенно, будто бы выявленные им в туринском архивохранилище собственноручные мемуары и письма

предводителя горцев, свидетельствующие о том, что «пророк Мансур, шейх Оган-оглы (?!) (так, оказывается, он себя стал называть), повелитель Курдистана, Армении и Кавказа, был в действительности отец Джовани Батиста Боэтти, монах, католического ордена братьев проповедников»¹⁵.

С легкой руки неизвестного автора, скрывшегося под буквой «М», в статье опубликованной в 1884 г. в Санкт-Петербургском журнале «Русская мысль», под многозначительным названием «Авантюрист XVIII в.», это только получило свое дальнейшее продолжение в России. По наивной некомпетентности автора, шейх-Мансору, как и полагается авантюристу, приписывают всякого рода небылицы, похождения, рискованные нападения и сомнительные предприятия.

Суровую, но совершенно справедливую характеристику упомянутым статьям впервые в отечественной исторической литературе дал покойный проф. Н. А. Смирнов. К его известным работам мы еще вернемся. Здесь же приведем эту исчерпывающую характеристику историка-кавказоведа. «Крайне убогие и за небольшим исключением неправдоподобные сведения о восстании на Северном Кавказе шейха Мансура, попавшие в Западную Европу через печать или дипломатические каналы, послужили, повидимому, канвой для безудержной фантазии бойких иностранных журналистов»¹⁶. И на самом деле, как мог мало-мальски знакомый с реальной обстановкой на Кавказе конца XVIII в. автор, если конечно он сам не стремится беспринципным путем добиться легкого успеха и сомнительной выгоды, мог додуматься, что шейх Мансур, во главе 80-ти тысячной армии горцев, якобы поднятых на борьбу самим проповедником, взял Тбилиси, Эрзерум и др. города Закавказья. Столь же невежественно, если не сказать больше, скомпанована и «программа» учения шейха. В 24-х положениях этой платформы больше небылиц и фантазии, чем чего-либо другого. Достаточно сказать, что в них утверждается, что «троицы нет», «Папа римский, шейх-уль-ислам и шериф Мекки— величайшие обманщики», «молитва благодарности—есть нечистое» и т. д. и т. п. Автор статьи «Авантюрист XVIII в.», как справедливо подчеркивал проф. Н. А. Смирнов, полностью воспроизвел эту фантастику в своей работе, но очевидно усомнился в достоверности этих сведений отметил, что «проверка и восстановление истории шейха Мансура во всей его полноте должна быть сделана по русским архивным документам»¹⁷. И при этом он, очевидно не без умысла, выразил надежду, что в архивохранилищах страны найдутся материалы, которые позволят «дополнить изыскания итальянского

ученого». К этой статье мы еще вернемся, здесь же, забегаая несколько вперед, скажем, что это, с позволения сказать, историческое сочинение анонимного автора, получило довольно широкое распространение и, оказало известное влияние на кавказоведов.

Специальный очерк посвятил шейху Мансуру известный в свое время военный историк-кавказовед генерал В Потто. Как ни странно, в основу этого изыскания, по существу, положены сведения, почерпнутые из статьи «Авантюрист XVIII в.». «Происхождение шейха Мансура, — пишет генерал, — неизвестно. Совсем недавно профессор Туринского университета Оттино открыл в Туринском архиве любопытные материалы... именно мемуары и письма его, подлинность которых остается вопросом». И далее, «источники, которыми пользовался проф. Оттино представляют подвиги шейха Мансура, в противоречие русскими официальными данными. Но чеченцы называют Мансура уроженцем селения Алды». Кто прав, «сказать наверное невозможно». Можно только сказать, что каждый аул Чечни и Дагестана не прочь был назвать себя родиной «великого пророка». Одна из подобных легенд могла дойти, в ущерб истине, до русских властей и закрыть от них собою дальнейшие, внекавказские похождения шейха Мансура. Русские рассматривают что с точки зрения влияния на дела Кавказа¹⁸ такая позиция известного в свое время кавказоведа вызывает однр лишь удивление.

С одной стороны, он сам ставит под сомнение подлинность извлеченных из Туринского архива проф. Оттино документов. Хорошо знает и вполне уверен, что сведения этих, с позволения сказать, документов находятся в явном противоречии с официальными данными материалов русского происхождения. И тем не менее, с помощью незамысловатого приема, находит возможным встать на точку зрения автора статьи «Авантюрист XVIII в.» Аналогичные позиции занимают А. Лавров¹⁹ и другие отечественные, авторы. А кавказовед Г. Прозрителев, по существу, пересказал статью «Авантюрист XVIII в.»²⁰.

Иначе освещали события, связанные с борьбой горцев, турецкие авторы. Современник событий и историограф Стамбульского двора называет шейха Мансура «отважным героем», организатором «восстания против России и Гюрджистана»²¹. В то же время он подчеркивает, что «Сулейман-паше (Ахалцинскому -- В. Г.) предписано было неотступно наблюдать за ходом дел, и чтобы задобрить дагестанский народ, прославившийся своею силой, преданностью вере своей и чрезвычайной храбростью, препровождены были к нему приготовленные в столице царские подарки и милости для раздачи предводителям этого

народа с целью побудить его к священной войне; этими подарками и назначением содержания приказано было приласкать храбрецов и воинов... и употребить их в дело в минуты надобности»²². В отправленных горским владетелям грамотах правительство Османов увещевало «их не давать веры речам русских, которые только с виду кажутся сладкими, но скрывают отраву... и потому с полным усердием и согласием оказывать твердость в сопротивлении и не допускать неприятеля до владений Ирана (Азербайджана — В. Г.) и Дагестана. Со своей стороны высокое правительство обещало во всем оказывать всевозможную помощь... с целью расположить их к себе и задобрить, каждому из них прислало приличные подарки»²³.

История возникновения движения под водительством шейха Мансура должна была найти адекватное отражение в трудах кавказских и прежде всего чеченских авторов прошлого. К сожалению, однако, в силу известных причин, современники событий не оставили ни одной специальной работы, посвященной этой проблеме. Этот пробел можно было бы заполнить данными устной традиции. Однако, и на это обстоятельство не обращали должного внимания ученые республики. До сих пор в Чечне не осуществлено ни одного издания материалов и документов на эту тему. Только в самое последнее время на эту, чрезвычайно важную сторону дела, обратили внимание М. М. Юсупов²⁴, Д. Хожаев²⁵ и др. Само собой понятно, что эту крайне нужную работу надобно продолжить и углубить. Причем, фронтальные изыскания необходимо вести в районах Северо-Восточного Кавказа и во всех без исключения центральных и местных архивохранилищах страны, частных коллекциях. А пока следует указать, что в распоряжении кавказоведов имеются лишь отрывочные сведения местного происхождения.

Современник Ушурмы, известный в Дагестане богослов, ученый алии и поэт Абубекер Аймакинский утверждал, что шейх Мансур не ученый, он чужеземец, который не знает ни арабского, ни русского языков. Его «проповеди дышат злословием и я считаю, что те люди одурели и мучают себя, посещая их»²⁶. Критика А. Аймакинского станет понятной, если учесть, что ученый и богослов такого ранга как он не мог поддерживать провозглашенный шейхом Мансуром «газават» (священная война). Но откуда он заимствовал сведения, что имам был чужеземец -- остается нераскрытым. До нас дошли несколько подлинных писем, призывных проповедей и стихов, вышедших из лагеря самого шейха-Мансура. Для того, чтобы сам читатель имел возможность ознакомиться с ними, приведем отрывок из одного стихотворения, обнаруженного в старых книгах известным историком Дагестана Г.-Э.

Алкадари. Вот это извлечение из письма-стихотворения:

«Пришел, мусульмане, к нам свет этим летом.

Не стройте иллюзий о мире вы этом.

Ведь тысячу сто девяносто девятом

Имамом открыто явился Мансур.

Пришел к правоверным здесь всем он на радость,

Его отвергающим будет он в тягость.

Проявит суда он в загробного святость.

Имамом открыто явился Мансур»²⁷.

Вчитываясь в приведенный текст сомневаешься, что это стихотворение написано самим шейхом. Однако, Г.-Э. Алкадари, в руках которого был полный текст, уверен, что его автором является сам Мансур. Более того, приводя этот отрывок из призывных писем Мансура, Г.-Э. Алкадари подчеркивает, что Мансур, будучи человеком весьма выдающейся ученности (!?) и благочестия, приобрел широкое влияние в Чечне и большое достижение и известность среди народов Дагестана, как это обнаружилось»²⁸.

Однако, окончательно решить вопрос об авторстве стихов можно будет лишь после того, когда будет обнаружен полный текст подлинника и проанализирован с помощью современных методов текстологии и источниковедения. Приходится сожалеть, что кавказоведы, специально изучающие интересующую нас проблему, прошли мимо этого факта.

Для правдивой оценки деятельности шейха Мансура большое значение имеет мнение первого чеченского историка-этнографа, ротмистра царской службы, Умалата Лаудаева. В довольно обширной статье «Чеченское племя», впервые опубликованной в 1872 году в Тбилиси²⁹, он уделил определенное внимание истории борьбы горцев под водительством шейха Мансура. К сожалению, наш автор обошел вопрос о причинах, вызвавших это движение и, по существу, повторил широко распространенную в русской историографии того времени версию. «В конце прошлого столетия, — пишет он, — чеченцы, по примеру прочих горцев, начинают собираться массами и тревожат русские границы. Некто Мансур,

алдинский уроженец, Арестенжоевской фамилии, стал во главе народа. Его называли и шейхом и имамом. Он начал свои действия с намерения вытеснить русских из мусульманских земель. Планы его стремились к тому, чтобы собрать все горские племена и единодушно действовать против русских. Для достижения своей цели он обратился к помощи религии, зная, какое большое уважение оказывали горцы духовным особам». Из дальнейшего рассказа Лаудаева выясняется, что «народ признал Мансура своим устазом*, т. е. ходатаем перед богом: целовали полы его одежды, и так завлекались религиозным настроением, что прощали друг другу долги, прекращали тяжбы и прощали даже самую кровь. Люди открывали один другому сердца, изгоняли из них злобу, зависть, корысть и прочее. Говорят, что тогда народ до такой степени обратился на истинный путь, что найденные вещи и деньги привязывали на шесты и выставляли на дорогах, пока настоящий владелец не снимал их»³⁰. Из сказанного можно сделать один вывод, автор этого утверждения убежден в том, что движение, возглавляемое Мансуром, возникло на местной социально-экономической почве, предводитель его Ушурма, уроженец сел. Алды. И что он обратился к религии с целью объединения горских народов, в единое движение, направленное своим острием против царских властей.

Любознательному читателю небезынтересно будет узнать и мнение Шамиля о деятельности шейха Мансура. Будучи в России, третий имам Дагестана и Чечни в беседе с А. Руновским говорил, что сам он Мансура не видел, т. к. родился более 10 лет спустя после смерти шейха и о нем знает лишь со слов людей, видевших его. По словам Шамиля: «Шейх Мансур не был ученым, даже вовсе не знал грамоты, но в замен того он владел необыкновенным даром слова, который, при его мужественной увлекательной наружности, имел неотразимое влияние на горцев, симпатизирующих всему, что резко бросается в глаза, или поражает слух. Настоящее имя этого проповедника Ушурман, а то которое сделало его известным на Кавказе, было ни что иное, как прозвище, данное в честь его заслуг и достоинств: «Мансур» значит «счастливый в своих делах», «любимый богом»*. В период окончания первых волнений в Чечне, произведенных шейхом-Мансуром, старшины чеченских обществ, изъявивших покорность России, были вызваны, как гласит предание, ко двору, императрица, между прочим, спросила их, не знают ли они, кто такой шейх Мансур? Депутаты отвечали утвердительно и описали своего бывшего предводителя в самых черных красках, и при этом как человека ничтожного. Только один из них, житель села Брагуны, по имени Кучук при разговоре все

время молчал. Императрица, заметив это, спросила его, почему он все время молчит. Кучук ответил, что при старших в присутствии великих людей он считает своей обязанностью молчать, но если государыне угодно, то он будет говорить и при этом спросил, как прикажет императрица говорить, правду или красивые слова. Получив приказание говорить только правду, Кучук рассказал о шейхе Майсуре совершенно противное тому, что говорили другие депутаты. Он характеризовал Мансура как человека одаренного от природы всевозможными достоинствами, моральными и физическими, в числе которых заслуживало особенного внимания, как ему казалось, рост шейха Мансура: «Он был так высок, что в толпе стоящих людей казался сидящим верхом на лошади». Дальнейший рассказ императрица дослушала стоя. На вопрос, почему она это сделала, государыня ответила, что слыша о человеке, в котором заключается так много великих достоинств, она должна думать, что Бог не даром полюбил его и что обстоятельства эти служат, по ее мнению, верным признаком существования в таком человеке множества качеств душевных и умственных, а потому-то она и встала, чтобы этим самым выразить уважение к столь достойному человеку, «любимцу бога». Не приходится сомневаться, что ничего схожего с этой легендой, услышанной Шамилем, в действительности не происходило. Мы-то сейчас знаем, как Екатерина II относилась к пленному шейху Мансуру. В этом плане обращает на себя внимание легенда о смерти шейха Мансура, записанная А. Руновским со слов Шамиля. Он слышал, «что русские, взяв Ушурму в плен, заключили его в бочку, набитую гвоздями, и скатили манером со скалы в море»³¹. Значительное внимание, как мы уже знаем, движению шейха Мансура уделил Г.-Э. Алкадари в своем известном сочинении

* Точнее, устад — учитель, магистр-мастер.

** Другое объяснение **Mansur** — «победоносный», «победитель» — Гафуров А. *Имя и история*, М., 1987. С. 162.*

«Асари Дагестан». Шейх Мансур, — пишет он, — в 1199 (1785 г.) в эпоху Абдул-Гамида»* был послан турецкой державой в Чеченские и Дагестанские округа, чтобы отсюда склонить и привлечь мусульман к священному выступлению на войну, возникшую в то время в Крыму между Турцией и Россией»**. Из вышеприведенного отрывка дагестанского историка мы знаем, что Г.-Э. Алкадари, вопреки утверждениям современников, представляющих Ушурму вовсе неграмотным, считает, что шейх был «человеком весьма выдающейся ученностью и благочестием»³². К сожалению, однако, не ясным осталось на чем основал

ученый свое утверждение об отправлении турецким правительством на Кавказ Ушурмы. Этот же сюжет затрагивает Г.-Э. Алкадари в своей оставшейся непереуведенной на русский язык книге, «Диван ал Мамнун».

В 1199 (1785 г.), — пишет он, — прибыл «из Османской империи ученый шейх Мансур в Чечню и в Дагестан. И стал призывать к борьбе против России. При этом он уверял слушателей, что Абул-Гамид-хан ведет войну с Россией и освобождает Кавказ из под власти России»³³. При сравнении приведенных выдержек их автор как будто придерживается одного мнения. Стоит, однако, вчитаться в текст, как при большой их схожести выявляются и некоторые разночтения. Если в первой цитате прямо указывается, что Ушурма был отправлен турецким правительством с весьма определенной целью, во второй же, о стамбульском правительстве и не упоминается. Зато во второй отсутствуют сведения о результатах пропаганды Ушурмы на Северо-Восточном Кавказе в то время, как в первой говорится об успехах деятельности шейха, подчеркивается, что он приобрел большую популярность и широкое влияние в Чечне и Дагестане. Оценивая в целом движение Ушурмы Г. Алкадари заключает, что это выступление «кроме вреда для жителей ничего не принесло. Россия самым жестоким образом расправилась с повстанцами. А сам шейх Мансур был взят в плен, отослан в Петербург. А затем отправлен в Соловецкий монастырь, где и умер»³⁴.

Спор о непосредственных причинах и обстоятельствах, вызвавших движение, о характере движущих сил, и наконец, об оценке движения в целом и его предводителя шйхе-Мансуре еще больше обострился в советское время. В отличие от предыдущего периода, когда кавказоведы, по собственному уразумению занимали ту или иную позицию, высказывали те или иные суждения, начиная с 30-х годов в решение интересующего нас вопроса стали вмешиваться властные структуры которые в угоду своим надуманным амбициям, стремясь во что бы то ни стало добиться единодушия в решении сложных вопросов, по существу, навязывали свои оценки и выводы кавказоведам.

* Абд ал Хамид I правил в 1774 — 1789 гг.

** Имеется в виду русско-турецкая война 1768 — 1774 г., которая проходила как в Крыму, так и на Северо-Западном Кавказе,

Внедряли, так сказать в науку, единодушие, равносильное единодушению. По существу, в зависимости от частоты изменения отношения власть придерживающих к национальным

движениям, соответственно в отечественной исторической литературе менялись оценки движения в целом, и их предводителей, в частности. Укажем, что с самого начала установления Советской власти в исторической науке утвердилось мнение, представляющее царскую Россию «тюрьмой народов». Одним из активных пропагандистов этой идеи был тогдашний руководитель «исторического фронта», акад. М. Н. Покровский. В работах, посвященных обличению самодержавия, показу гнилости и бессилия старого строя, враждебности его трудящемуся народу, бездарности царского окружения, продажности и коррупции администрации, автор всеми доступными средствами доказывал неизбежность социальной революции в России, гибели несправедливого строя, основанного на эксплуатации и угнетении человека³⁵. В своей «Русской истории с древнейших времен», в самом сжатом очерке и в ряде других работ М. Н. Покровский не раз возвращался к так называемой «эре торгового капитализма», «набегах торгового капитализма на Россию», «завоеванию феодальной России торговым капитализмом» и т. д. и т. п. Эти противоречивые в своей основе положения историка способствовали утверждению в науке мнения, что в русской истории существовала какая-то особая «эпоха торгового капитализма». Со временем это мнение превратилось чуть-ли не в универсальную теорию, которой легко объяснялись многие сложные проблемы истории, в том числен национальные движения. Как увидим ниже, ряд историков-кавказедов использовали эту концепцию в изучении и раскрытии глубоких социально-политических причин движения под предводительством Мансура.

В 1929г., выступая на первой конференции историков, акад. М. Н. Покровский объявил, что термин «русская история» есть ни что иное, как контрреволюционный термин одного издания с трехцветным флагом и «единой неделимой». Следует так же подчеркнуть, под непосредственным влиянием акад. М. Н. Покровского, в то время в корне изменилось отношение к национальным движениям и, в частности, к личности шейха Мансура и возглавляемой им борьбы. В его книге, изданной в 1923 г., шейх Мансур охарактеризован «как первый Кавказский революционер»³⁶. Очевидно, что этим весьма модным и лестным в те годы термином автор назвал Мансура лишь с целью, чтобы оттенить значимость личности предводителя горцев в освободительном движении кавказских народов. Абстрагируясь от времени и условий, когда была дана эта оценка, напомним, что «революционер» слово французское—*revolutionner* от латинского *revolutia* — переворот и означает — участник революционного движения или человек, который произвел переворот в какой-либо области знания, технике, искусстве и т. п. Наш современник, проф. А. Д. Яндаров, уверен «в том, что

М. Н. Покровский назвал шейха Мансура революционером, нет ни грани преувеличения. Поистине прозорливыми и принципиально новыми оказались воззрения Мансура об объединяющей силе ислама разноплеменного, находившегося на различных стадиях общественного развития, пестрого в этническом отношении населения Северного Кавказа»³⁷. Однако, касаясь этой же проблемы, А. Д. Яндаров в своем докладе на конференции в Грозном говорил: «Надо учитывать, конечно, условность данной Покровским оценки: понятие «революционер» претерпело с тех пор существенные изменения. Тем не менее, главное в личности и деятельности Мансура схвачено в этой характеристике верно: это был новый тип борца, которого «выдвинуло национально-освободительное движение»^{37а}. Вдумчивый читатель пусть сам задумается и решит для себя насколько применим в нашем случае термин, о котором идет речь и насколько адекватно он отражает события, происходившие в конце XVIII в. на Северо-Восточном Кавказе. Мы же совершенно определенно можем утверждать, что концепция, сформулированная в указанной и др. работах акад. М. Н. Покровского оказала большое, если не сказать решающее, воздействие на исследователей и на оценку характера и движущих сил движения в последующих работах. Этого, кстати сказать, они и сами не отрицали. Под непосредственным влиянием М. Н. Покровского был написан историко-биографический очерк о Мансуре З. Шариповым³⁸. К сожалению, автор не ставит задачей перед собой раскрыть причины, которые способствовали разворачиванию борьбы под водительством Мансура. Вместо этого, ограничивается заявлением, что «личность его окутана легендами и вымыслами и мало кому известен действительный облик» его. В одном автор убежден, что свою популярность шейх достиг набожностью, честностью и безоговорочно представляет его борцом за национальное освобождение, наивно верующим, однако, что начатому горцами благородному делу борьбы за свою свободу непременно окажет возможную помощь Османская империя. Мансур, заключает он, это человек, который создал «целую эпоху в дореволюционном движении Чечни»³⁹.

В 1929 — 1932 гг. увидели свет три интересные статьи проф. Б. В. Скитского, посвященные описанию истории народных движений на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII — XIX вв. Понятно, что для нас наибольший интерес представляет работа «Социальный характер движения имама Мансура»⁴⁰. Для написания этой статьи автор использовал значительные разнохарактерные конкретно исторические материалы. Привлек большое число во многом «новых» фактов, извлеченных из архива Кизлярского коменданта и, опираясь на эти данные сделал для своего времени довольно успешную попытку раскрыть причины выступления

Ушурмы, определить движущие силы и характер движения и оценить личность самого предводителя горцев. Автор убежден, что движение под водительством алдынского жителя Ушурмы явилось прямым результатом колониальной политики царизма. К сожалению, Б. В. Скитский в своих работах целый ряд событий, развернувшихся в Чечне, под влиянием М. Н. Покровского объясняет «ростом торгового капитализма» и наступлением эпохи «торгового капитализма». «Принципы этих военно-политических успехов России — подчеркивает он, — коренились, с одной стороны, в развитии русского торгового капитализма на Кавказе, с другой, во внутренней классовой борьбе среди горцев»⁴¹. И далее, утверждает, что столкновение двух капиталов, русского и горского и определяло сущность народно-освободительной борьбы. «Буржуазные вожди горской независимости хороню сознавали политическую опасность тяготения горского населения к русским товарам и хотели разорвать всё сильнее стягивавшую их петлю русского торгового капитала»⁴². В. Б. Скитский считал, что своим острием движение Ушурмы было направлено против самодержавия и его местных союзников феодалов. «В силу этого, — подчёркивал он, — оно облеклось в форму религиозной борьбы мусульманства с наступавшим на Кавказ российско-православным колонизаторством»⁴³.

В 1934 г. появилась небольшая работа довольно популярного в те годы писателя А. Виноградова⁴⁴, которого многие читатели старшего поколения помнят по историческому роману «Три цвета времени». В предисловии к своей работе «Шейх Мансур» А. Виноградов вспоминая о своих встречах с Л. Н. Толстым, рассказывает что великий старец продолжал думать о Кавказе и в 1909 г.: «Когда речь заходила о Кавказе, — пишет автор, — он вдруг молодец и глаза его загорались как голубые льдинки под прямо падающим светом». Коснувшись многолетней борьбы северо-кавказских горцев, Л. Н. Толстой, вспоминая шейха-Мансура говорил: «Возьмите сейчас любой справочник по Кавказу по военной истории Буткова и прочтите под именем шейха Мансура целый ряд странных и нелепых вещей. Вот вам 29-томный энциклопедический словарь Брокгауза! — «Шейх Мансур один из видных деятелей Кавказской войны конца XVIII в. Шейх Мансур, настоящее имя которого было Ушурма, родился в сел. Алды в Большой Чечне. История его самого, так и проповедуемого им учения до сих пор вполне не ясна». Так вот, если выяснить эту историю, то окажется, что она так же мало связана с Кавказом, как и его герой. Это тем более странно, что Кавказ очень чуток ко всему чужому и, чтобы так обмануть кавказских мусульман, как их обманули дважды, нужно быть только искрой, падающей на пороховую бочку, ибо

создать целое учение не мог конечно маленький, ничтожный человек шейх Мансур. В самом деле: от Мансура потерпел поражение в 1785 г. полковник Пиери с отрядом отборных войск. Следом гор. Битлиса с 25-тыс. населением открыл ворота Мансуру, высокорослому, чернобородому мужчине, в белой одежде суфия, черноглазому, стройному, с горбатым носом, худым, бледным лицом, горящими глазами и «речью, которая жгла, как уголь». С ним было всего 96 человек, и укрепленный город сдался ему без боя!!!

Отсюда началась его слава!!! А умер он в Соловецком монастыре, после того, как был взят в плен в 1791 г. И вот подумайте, что этот человек был предшественником великого Шамиля, знал наизусть Коран, всех дивил строгостью своей жизни, кавказским презрением к боли и настоящим фанатизмом, Причем он не был ни кавказцем, ни мусульманином. Это был обыкновенный европейский неудачник. А все неудачники и жулики, как только начинают войну, прибавляют к названию «священная». Мы привели это сообщение В. Виноградова полностью, памятуя, что Л. Н. Толстой как известно сам бывал на Северо-Восточном Кавказе, где более чем за 60 лет до его посещения этих мест разворачивались события, связанные с именем шейха Мансура. Скажем так же, что великий писатель довольно хорошо знал народы Северного Кавказа, восхищался их фольклором, написал памятные нам с раннего детства великолепные произведения «Казачьи», «Рубка леса», «Хаджи-Мурат», при написании которых проштудировал множество кавказоведческих работ, во многих из которых речь шла и о шейхе Мансуре. Сообщение Л. Н. Толстого, заключает А. Виноградов, «до такой степени поразило меня, что я попросил рассказать» о шейхе Мансуре, но время было позднее... Позже, в Москве я убедился в правоте Льва Николаевича, «у него были источники, которых никто не трогал». К сожалению, наш автор не рассказывает какие именно источники убедили его. Однако, нам известно, что единственным источником для написания очерка о шейхе Мансуре А. Виноградову послужила упомянутая нами выше статья «Авантюрист XVIII в.», которую он изложил чуть-ли не полностью. Естественно, что многочисленные читатели массового издания, каким является приложение к журналу «Огонек» не могли не поверить автору, тем более, что свой рассказ он связал с именем великого писателя. Обаяние Льва Николаевича, как и следовало ожидать, оказывало магическое влияние на читателей. И в этом отношении А. Виноградов безусловно достиг поставленной перед собой цели. Достаточно сказать, что даже в комментарии к сборнику «Дагестан в русской литературе», Т. I., изданному в 1960 г., мы читаем: «Шейх Мансур — распространитель мюридизма (религиозно-националистического движения, проповеди-вавшего газават — «священную» войну против «неверных», иноверцев

мусульманской религии ислама) на Кавказе в 1785 г., якобы выходец из Турции, в действительности был итальянец». И в этом плане очерк А. Виноградова, мягко говоря, имел отрицательное влияние на историческое сознание широких читательских масс, распространяя ложное в своей основе мнение. Следует однако сказать, историки-кавказоведы не восприняли эту неуклюжую попытку вулканизации антинаучной версии, не имеющей под собой никакой реальной базы.

В изданной в 1939 г. книге, посвященной истории борьбы за независимость Шамиля С. К. Бушуев писал: «На попытку царизма покорить Большую и Малую Чечню местное население ответило крупным восстанием 1785 г.»⁴⁵. В том же году под одноименным названием была издана в Махачкале работа Р. М. Магомедова, «Гнет царизма, — подчеркивал он, — имел свой результат — крупнейшее восстание 1785 - 1787 гг. чеченских и дагестанских крестьянских масс под руководством пастуха Мансура из сел. Алтыкабака. Это восстание развернулось под лозунгом «Газават» - война против неверных. Мансур стал проповедовать идею объединения всех горских народов для совместной борьбы против царизма». Если верить автору в короткий срок слава Мансура распространилась за пределами Чечни. О Мансуре говорили на кумыкской равнине и в горах Дагестана, как об освободителе крестьян от жестокой феодальной эксплуатации ханов, беков и от колониального гнета царизма. Недовольные и эксплуатируемые райяты, чагары и уздены из сел Казанище, Губден, Хунзах, Эрпели, Карабудахкент, Каякент и Кумух партиями и по одиночке, стали стекаться к Мансуре. Основное ядро мансуровских войск составляли чеченцы, кабардинцы, лезгины (?), кумыки и ногайцы». К сожалению, эти утверждения автора не подтверждаются фактами и не указано откуда они заимствованы. В заключение Р. М. Магомедов, характеризуя выступления шейха Мансура, подчеркивает, что движение это было «направлено не только против колонизаторов, но и сраставшейся с ними местной феодальной знати»⁴⁶. Это суждение автора без малейшего изменения повторено и во втором издании его книги, увидевшей свет в 1988 г.

В 50-х годах в корне изменились оценки развернувшихся в XVIII - XIX вв. на окраинах Российской империи национальных движений. Одним из первых если не самым первым, вопрос об изменении оценки движения под флагом мюридизма поднял еще в 1947 Х. П. Аджимян. В докладе «Об исторической сущности мюридизма» в ин-те Истории АН СССР он подверг резкой критике утвердившуюся в то время концепцию о движении горцев как наивную, одностороннюю и ошибочную. Он критиковал взгляды К. Маркса и Ф. Энгельса на «Кавказскую войну» и утверждал, что в их работах 1850 — 1860 гг. преувеличивалась

реакционность царской России, и под влиянием английской прессы идеализировалось движение под руководством Шамиля. По мнению Аджимяна, это движение было инспирировано султанской Турцией, направившей, в Дагестан Исмаил Эфенди, а в Черкессию «польский и венгерский сброд»⁴⁷. Концепция Х. П. Аджимяна, в которой шла речь только о движении Шамиля, как и следовало ожидать, подверглась со стороны участников дискуссии резкой и справедливой критике, как антинаучная и эклектическая версия, ничего общего не имевшая с исторической правдой. Но, как известно, на этом вопрос не был снят с повестки дня. В 1950 г. увидела свет статья проф. Н. А. Смирнова под претензиозным названием «Турецкая агентура под флагом ислама»⁴⁸. Сразу же вслед за этим, в ведущем периодическом органе советских историков «Вопросы истории» появились его же статья «Шейх Мансур и его турецкие вдохновители»⁴⁹. Для написания своей работы автор использовал широкий круг источников, впервые привлек подлинные письма-воззвания Ушурмы, показания, данные шейхом 28 июля 1791 г. обер-секретарю Тайной экспедиции, тайному советнику Шишковскому, а так же разнохарактерные литературные источники. Все это позволило автору сделать ряд интересных наблюдений и обобщений, выразившихся в том, что царизм поощрял «требование народа к князьям и старшинам и в то же время оказывать помощь этим последним, а не народу, внимательно относиться к претензиям князей, хотя и не всегда их выполнять, вот метод, часто примененный русской военной администрацией»⁵⁰. Иначе говоря, происходившую в регионе тайную и явную классовую борьбу она использовала для своей выгоды. «Разумеется интересы горских феодалов, подчеркивал он, — были ей ближе, чем интересы простого народа»⁵¹. Однако этот, не потерявший и поныне своего научного значения вывод автор не развернул в дальнейшем изложении темы и не превратил его в инструмент для раскрытия глубоких социально-политических причин, вызвавших выступления под руководством Ушурмы. Важны так же его наблюдения в раскрытии форм и методов кавказской политики султанской Турции, которая, как известно с начала XVI в. вела непрекращавшуюся борьбу за овладение Кавказом. Можно с ним согласиться и в том, что попытки османов поднять горцев Северного Кавказа против России и Грузии были звеном в цепи подрывной деятельности эмиссаров Султана. Однако у проф. Н. А. Смирнова не было никакого основания безоговорочно объявлять движение, о котором идет речь, целиком и полностью инспирированным султанской Турцией. Ряд кавказоведов, и в частности ученик покойного профессора Ш. Б. Ахмадов⁵² полагают, что работы Николай Александровичем были написаны под непосредственным влиянием печально знаменитой статьи Багирова. Но это не соответствует действительности. Сам Смирнов в первой из своих статей

подчеркивает: «Когда эта статья была уже написана, появилась в печати работа М. А. Багирова «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамиля» (жур. «Большевик», № 13, 1950), где упоминается шейх Мансур как «турецкий эмиссар», Статья т. Багирова имеет громадное значение не только потому, что помогает уяснить антинародную сущность движений, которые происходили на Кавказе под флагом ислама в интересах иностранных государств, а так же разоблачает мюридизм, как наиболее реакционное и воинствующее проявление Ислама»⁵³. Как бы то не было, антинаучная концепция Багирова пагубно повлияла на работы отечественных кавказоведов. Во всех научных и научно-популярных публикациях, учебных и справочных изданиях эти движения стали признаваться инспирированными из-за рубежа, а самого предводителя представляли ставленником Оттоманской Порты. К сожалению приходится говорить, что на эту точку зрения встали и те, кто в свое время немало потрудились для доказательства прогрессивности движения.

Так, Р. М. Магомедов писал: «За два года до второй турецкой войны Турция спровоцировала против России чеченцев, ингушей, и кабардинцев. Во главе этого движения стал турецкий эмиссар Мансур, провозгласивший себя новым пророком. Турции, однако, не удалось вовлечь в эту авантюру дагестанцев»⁵⁴. Как видно, автор в корне изменил свою оценку движения в целом и его предводителя в частности, а так же значительно сузил ореал распространения этого движения. В 1957 г., когда с национальных движений, происходивших в кавказском регионе, в некоторой степени были «сняты идеологические оковы», Р. М. Магомедов в своей монографии писал: «Положение на Кавказе весной 1785 г. обострилось в связи с восстанием чеченцев и ингушей, поднятых турецким эмиссаром шейхом Мансуром, который объявил себя имамом и первый обратил религиозную проповедь «священной войны» против России. То обстоятельство, что шейх Мансур явился ставленником турок и что мюридское движение он развязал по заданию Турции, может быть подтверждено многими документами». Но почему-то ни одного документа для доказательства своего положения автор так и не привел. Случайно ли? Как сказать?... И тем не менее он уверенно заключает: «Под именем шейха Мансура выступал турецкий эмиссар, который развернул мюридское движение в интересах захватнической политики на Кавказе, с целью борьбы против России»⁵⁵.

Однако, времена, к счастью меняются, меняются и люди. И соответственно изменяются и оценки событий. Говорят, что идеи и концепции гибнут тихо, не так, как скажем, Помпеи. Не рушатся с шумом и громом, а уходят неслышно в забвение.

Большинство сограждан задаются вопросом, как же это могло получиться? Почему ложь и даже явную клевету население воспринимает за истину. Очевидно это происходит по разным причинам. В обществе имеются личности, численность которых в последнее десятилетие в стране значительно приумножилась, характерной чертой их остается способность всегда и при всех изменениях оставаться на плаву. Как только грубая сила заколеблется, или под своей тяжестью рухнет, так сразу же эти, так сказать «властители дум», вместе с той же силой, которая навязала всем нам кощунственные идеи, совершив мастерский кульбит, превращаются в непорочных выразителей «национальных чаяний» и пуще прежнего разносят сошедший со сцены режим, безудержно обвиняя всех и вся, а себя же представляют жертвой тоталитарной системы. Нечто схожее произошло и в отношении оценок характера народно-освободительных движений. Весьма поучительно проследить за ходом этого процесса, в 1956 - 1957 гг., как уже указывалось, прошли научные сессии, которые возымели свое положительное воздействие на мобилизацию сил и оживление научно-исследовательской работы по исправлению допущенных перекосов и ошибок. В изданных в 1957 г. «Очерках истории Дагестана», чуть-ли не впервые после «разоблачения» Шамиля, в специальном разделе, озаглавленном «Борьба горцев против царизма и местных феодалов», движение горских народов под водительством Шамиля было признано возникшим на местной социально-экономической почве и своим острием направленной против колониальной политики царизма и гнета местных феодалов⁵⁶. В книге был поднят так же вопрос о движении шейха Мансура*. В отличие от других изданий, здесь не говорится об инспирированности движения Мансура и одновременно указывается, что «огромное большинство народов Дагестана не примкнуло к этому движению»⁵⁷. Однако, в силу ограниченности площади, в книге не развернута аргументация этого положения, органичившаяся словами ген. Потемкина о том, что Ушурма «во всех местах находит отказ»⁵⁸.

В опубликованной в 1957 г. «Истории Кабарды»⁵⁹, под редакцией Н. А. Смирнова, рассказывая об успехах внешней политики России в первой половине 30-х годов XVIII в. подчеркивается, что и своей борьбе против России Турция стремилась втянуть всех мусульманских владетелей Кавказа, широко используя при этом антирусское движение под руководством Мансура. В 1785 г. шейху «удалось привлечь на свою сторону известную часть горских феодалов и значительное число рядовых горцев, которые надеялись таким путем освободиться от феодальной зависимости, В июле на их сторону перешел

малокабардинский князь Дол, возглавивший группу феодалов — сторонников шейха. Во главе прорусской партии стояли князья Касаевы и Ханмурзинны. Сторонники нейтралитета объединились под руководством старшего князя Бамата»⁵⁹. Со времени прибытия на Малку русских войск «многие Кабардинские феодалы отошли от движения Мансура». Вскоре Ушурме у Татартупа было нанесено поражение, а в июле шейх «бежал на Кубань к туркам, которые в то время готовились к новой войне против России». Проф. Н. А. Смирнов отказался от прежней своей оценки движения шейха Мансура и признал, что оно сформировалось на местной социально-экономической почве. Это движение, подчеркивал автор «явилось результатом внутренних противоречий, значительно обострившихся в среде горских народов под влиянием роста экономических связей с Россией и развития товарно-денежных отношений»⁶⁰. В работе, изданной годом позже М. М. Блиев, коснувшийся истории интересующего нас вопроса, подчеркивал, что «планы шейха Мансура, по существу были планами турецкого правительства», что осетинский народ относился враждебно к этому движению, т. к. оно было направлено и справедливости ради следует сказать, что ответственным редактором «Очерков истории Дагестана» значится проф. И. О. Косвен, который постоянно живя в Москве, исполнял обязанности зав. сектором истории Института Даг. филиала АН СССР. Редактирование же первой книги «Очерков» осуществлял автор этих строк. на отторжение Осетии от России»⁶¹. Очень схожую с этим положением мысль высказывал М. М. Блиев в своей монографической работе, изданной в 1964 г.⁶².

В коллективном труде «История Кабардино-Балкарии» дважды обращаются к интересующему нас сюжету. Первый раз в главе «Классовая борьба» (автор В. К. Гарданов) говорится, что в 1785 г. в Чечне вспыхнуло крупное восстание во главе с Ушурмой, направленное против политики царизма. Шейх Мансур призывал всех горцев Терека начать «священную войну» против России. Движение, начавшееся в Чечне вскоре охватило соседние районы Дагестана (Кумыкию) и Кабарду. Недовольные усилением феодальной эксплуатации и политикой царизма, малокабардинские крестьяне примкнули к восстанию. Восстание горских народов было подавлено русскими войсками»⁶³. Второй раз эта же проблема была затронута в разделе «Вместе с русским народом против русского царизма» (автор А. В. Фадеев). Здесь автор подчеркивает, что «стихийный протест кавказских народов, имевший тогда общенародную форму, пыталось использовать в своих целях мусульманское духовенство, продолжавшее поддерживать связи с враждебными России зарубежными кругами. Оно стремилось сплотить народы Северного Кавказа под знаменем

воинствующего исламизма во имя «священной войны» против «неверных», под руководством падишаха, т. е. турецкого султана. Именно такой характер пытался придать «антиколониальному движению», которое сам и возглавлял, шейх Мансур, «связанный с турецкими пашами». В 1785 — 1791 гг. он действовал то в Чечне, то за Кубанью. Кабардинский народ, говорится далее, «протестуя против насаждения царскими наместниками на Кавказе колониального режима и свойственных ему военно-феодалных методов управления перед лицом новых международных конфликтов продолжал оставаться верным братскому союзу с русским народом, с которым он давно и навечно связал свою судьбу»⁶⁴. Как будто автор признает, что причин для стихийного выступления народных масс было более, чем достаточно, с другой стороны, указывает, что шейх Мансур был связан с Высокой Портой. Складывается такое впечатление, что автор что-то не договаривает.

Интересующий нас вопрос затрагивается и в 4-х томной «Истории Дагестана». В 1785 г., на Северном Кавказе, говорится здесь, развернулось движение, возглавляемое Ушурмой (шейхом Ман-суром).» В этом движении из народов Дагестана приняли участие лишь засулакские кумыки. Но вскоре и они отошли от движения. Остальные народы Дагестана не только не примкнули к Ушурме, но и отказывали ему в помощи»⁶⁵, и далее приводится ряд документов, подтверждающих эту мысль, о чем речь будет ниже.

Как и положено, значительно большее внимание уделено данному вопросу в «Очерках истории Чечено-Ингушетии»⁶⁶, опубликованных в том же 1967 г. под редакцией профессора Н. А. Смирнова. В главе «Присоединение Чечено-Ингушетии к России» (автор Н. А. Тавакалян) приводятся данные, говорящие о разнuzданных турецких и иранских происках на Кавказе, их стремлении поднять кавказцев на священную войну (газават) против неверных. А «когда в 1785 г. на Северном Кавказе вспыхнуло движение горцев под руководством жителя чеченской деревни Алды — Ушурмы, известного в истории под именем шейха Мансура, охватившего часть Дагестана и Чечню, султанская Турция проявила к нему большой интерес. В своей социальной основе это движение носило глубоко классовый и антиколониальный характер. Однако шейх Мансур придал ему «религиозный характер». И далее автор утверждает, что «идея газавата не стала знаменем шейха Мансура, она в конечном счете не вдохнула в горцев новые силы для борьбы за избавление от тягот колониального режима. Оно посеяло семена взаимной вражды между кавказскими народами». Так что шейх Мансур не сумел сплотить все антиколониальные силы. Те, которые в начале движения, «под влиянием назойливой пропаганды» Мансура, «темные забитые горцы пошли за шейхом очень скоро убедившись, что

осуществить свои надежды им не удастся, стали отходить от движения»⁶⁷.

В 1968 г. Р. М. Магомедов высказал отличное от своих предыдущих точек зрения мнение о движении, возглавляемом Ушурмой. Шейх Мансур, пишет он, «используя классовые противоречия и недовольство русской администрацией на Северном Кавказе, призвал из Чечни горское население в марте 1785 г. к газавату, ахал-цыхский паша сразу появился в Карталинии, а Умахан (аварский — В. Г.) ринулся со своим 25-тысячным отрядом в глубь Грузии». И далее, движение «шейха Мансура началось как освободительное, против царской колониальной политики. Потом оно стало поддерживаться Султанской Турцией». При этом «Турция намеревалась втянуть в его движение всех мусульман Кавказа. Но к шейху примкнуло только пограничное с Чечней кумыкское население»⁶⁸.

В 1974 г. в Москве в институте Истории Академии наук была защищена Ш. Б. Ахмадовым кандидатская диссертация на тему «Народное движение в Чечне в конце XVIII в.», (под научным руководством проф. Н. А. Смирнова). В ней, на основе анализа доступных ему фактических материалов он пришел к выводу о том, что «вспыхнувшее в марте 1785 г. восстание в Чечне было одним из самых мощных антифеодальных и антиколониальных выступлений горцев Северного Кавказа в конце XVIII в. Религиозная же оболочка была использована для объединения горской массы, а вовсе не для торжества правоверного Ислама»⁶⁹. Бесспорно и то, что «социальная и национальная база движения была весьма пестрой». Однако, суждения автора о «географии движения» не согласуются с приведенной в диссертации документальной базой.

Выступление Ушурмы, пишет Т. Д. Боцвадзе «вынудило Россию воздержаться от активных действий в Закавказье. Движение Ушурмы, носившее в начале взаимопереплетавшиеся черты религиозной; антифеодальной и антиколониальной борьбы, вскоре, под влиянием Турции, приобрело ярко выраженную антирусскую направленность вообще и создало определенную угрозу «русским позициям на Северном Кавказе»⁷⁰. В разделе «Освободительная борьба в Закавказье» своей двухтомной монографии акад. Армении Г. А. Голоян писал: «В 1785 г. в Чечне появился «пророк» Мансур (Ушурма). Выходец из бедной семьи, ловкий и умелый аферист, он вскоре провозгласил себя шейхом и собрал вокруг себя темные антирусские силы, насаждая мюридизм — реакционное учение о «священной войне» за торжество ислама и организовал борьбу против России»⁷¹.

На Северном Кавказе, говорит проф. М. М. Блиев «Россия оказалась в затруднительном положении, т. к. Северный Кавказ подвергался набегам шейха Мансура — ставленника Турции». И далее, «движение шейха Мансура было организовано Турцией, помогавшей ему всеми средствами. Планы шейха Мансура, по существу были планами турецкого правительства»⁷². Следует, однако сказать, что «застойное» время не располагало ученых к объективному освещению данного вопроса. Этим, в основном и объяснялись появлявшиеся от случая к случаю в исторической литературе разноречивые оценки движения Ушурмы. Пожалуй, только в обобщающем труде «История народов Северного Кавказа» решительно отвергается инспирированность движения Мансура извне и признается, что оно возникло на Северо-Восточном Кавказе и имело глубокие социально-политические корни. Этим пожалуй и объясняется, что к шейху Мансуру на первом этапе, кроме самих чеченцев, примкнули часть кабардинцев и кумыки и др. Руководство движением оказалось в руках представителей местного мусульманского духовенства и отчасти феодалов (кабардинский князь А. Дол, осетинский алдар А. Дударов, кумыкский владетель Али Султан, а так же феодализирующаяся часть Чечни). Таким образом социальная и национальная база движения Ушурмы была довольно широкой и пестрой. Но, несомненно, что наибольшее число участников движения составляло горское крестьянство, что и определило социальную направленность движения. В то время как сумевшее захватить руководство движения меньшинство надеялось использовать борьбу трудящихся в своих корыстных целях⁷³. Далее, хотя и кратко изложены развивающиеся события на Северном Кавказе в 1786 — 1791 гг. Со времени ухода Ушурмы, говорится в разделе, шейха Мансура пытались использовать османы⁷⁴. Думается, что основные положения раздела книги вряд ли можно оспаривать. Понятно, что изложению истории борьбы под руководством шейха Мансура можно было уделить значительно большее внимание, но при этом нельзя забывать, авторский коллектив был ограничен площадью обобщающего труда. Приходится, однако сожалеть, что во введении книги допущена досадная неточность, которая, кстати сказать, прошла мимо основной части редакционной коллегии, в том числе и автора этих строк,

В 1992 г. в Грозном прошла международная научная конференция «Шейх Майсур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII в.». На конференции были обсуждены 30 докладов и сообщений. Материалы конференции еще не изданы или не дошли до нас, поэтому мы можем судить о ней лишь по опубликованным тезисам (75—77). Наиболее значительными, по нашему мнению* являются тезисы докладов Ш. Б.

Ахмадова, Б. Х. Акаева, А. Д. Яндарова, Г. Х. Мамбетова, Я. З. Ахмадова, В. Ю. Гадаева, Ш. А. Гацурова и др. Естественно, что не все доклады и сообщения, представленные на сессии, с одинаковой глубиной и компетентностью освещают затронутые аспекты проблемы. В некоторых из них происходившее в то тревожное время излагается с довольно открытой однобокостью. Другие не смогли избежать предвзятой и необоснованной критики своих оппонентов. В докладах конференции затрагивались вопросы источниковедения и историографии, в которых так же допущены неточности и некорректные оценки. В докладе, озаглавленном «Шейх Мансур — первый кавказский революционер, политический деятель и полководец» Х. М. Ибрагимбейли утверждается, что зарубежные историки «объективно и компетентно рассматривают историю народно-освободительных движений Кавказа в XVIII—XIX вв., в частности, антифеодальную, антиколониальную борьбу под руководством шейха Мансура. В советской историографии необоснованно подвергались оскорбительной критике и шельмованию историки кавказского зарубежья», а так же «крупные ученые запада представители англо-американской и «турецкой историографии»⁷⁸. Не останавливаясь на анализе тезисов доклада укажем, что сам автор много лет хулил тех же самых западно-европейских и ближневосточных авторов, в том числе и А. Беннигсена. А теперь, «в новое время», они им представляются перед нами совершенно в ином свете. Может ли все это вызывать положительные ощущения у любознательного читателя? В науке встречаются случаи, когда ученые, искренно заблуждавшиеся, со временем, под напором, так сказать, неопровержимых фактов, пересматривали не только старые утверждения, но и изменяли свои взгляды на изучаемые события. А что же в нашем случае? Иные говорят, что ныне время покаяний и поэтому мы все обязаны быть терпимыми друг к другу. С этим, в какой-то степени странным положением можно соглашаться или нет. Это дело каждого. И все же, если мы ранее думали, а еще хуже — писали и притом многократно и даже агрессивно одно, а теперь, в одночасье кардинально изменили свои взгляды, то извольте сказать об этом со всей откровенностью, а главное, объяснить на чем основаны эти перемены и что послужило кардинальным изменениям взглядов автора. И уж совсем не подобает, даже не упоминая о своих, мягко говоря, заблуждениях, подвергать адресно или безадресно суровой критике своих, коллег-ученых целой страны. Ни о чем не говоря, такие: приемы практикующиеся в наше, совсем непростое время, вряд ли помогут раскрыть истину и окажутся полезными для нас самих и, естественно, для исторической науки.

Но, вернемся к прерванному рассказу. Совсем недавно увидела свет монография Ш. Б. Ахмадова «Имам Мансур»⁷⁹. Во введении к исследованию проф. А. Я. Яндаров восторженно

воскликает «Читатель! Вот, наконец перед Вами книга, которую долго ждали не только в нашей республике, но и далеко за ее пределами, кто интересуется вопросами истории чеченского народа, героическими именами, составляющими его славу и гордость».

Совершенно понятен восторг по поводу появления упомянутой монографии. Похвально и то, что автор введения не навязывает читателю своего мнения, позволяя всякому, взявшему в руки книгу, самому решить вопрос, оправдала ли эта работа возлагаемую на нее надежду?⁸⁰

Мы так же, со своей стороны, предлагаем вам, тем, которые интересуются историей народов Кавказа, ознакомиться с упомянутой книгой. Эта работа написана на довольно широкой источниковой базе. И тем не менее, сбор конкретно-исторического материала еще далек от своего завершения. Думается мы не ошибемся, если еще раз подчеркнем, что ученым Чечни необходимо фронтально обследовать фонды центральных и местных архивохранилищ, изучить источники, хранящиеся в архивах и научных центрах западно-европейских и ближне-восточных стран. С той же скрупулезностью необходимо обследовать литературные и иные источники, осуществить издание архивных и других материалов, а главным образом подвергнуть их тщательному анализу современными методами источниковедения. К сожалению, приходится констатировать, что автор анализируемой монографии довольно часто историческую версию выдает за исторический факт. Кроме того, при ближайшем ознакомлении с книгой выясняется, что автор нередко выборочно использовал фактический материал, и не подвергал проверке используемые в других исследованиях фактические данные. Так что даже эти, если так можно сказать, общие и, пожалуй, предварительные замечания¹ не оставляют сомнения, что изучение интересующей нас в данном случае темы нуждается в интенсивном продолжении исследовательской работы. Хочется надеяться, что предлагаемое продолжение исследования А. Беннигсена окажется полезным в деле правдивого освещения истории борьбы горцев под водительством шейха Мансура, и в какой-то мере удовлетворит интерес читательской общественности страны.

Публикуемая ниже работа, как видно из подзаголовка, по существу, основана на не опубликованных материалах турецких архивов, а следовательно, малоизвестных не только широкому кругу читательской общественности, но даже специалистам историкам. Предлагаемый вниманию труд, как указывалось выше, увидел свет в далеком 1964 г., но в переводе с французского на русский язык издается впервые. Естественно, что со времени первого его опубликования многое изменилось и не только в политической ситуации:

кавказоведы углубили освещение целого ряда поднятых нашим автором тем. И тем не менее, это сочинение не потеряло свою значимость и представляет поныне значительный интерес. Следует особо сказать, что для написания своей работы А. Беннигсен, кроме официальных документов из турецких архивов, довольно широко использовал целый ряд сочинений кавказоведов нашей страны и более всего труды покойного проф. Н. А. Смирнова. Кстати сказать, на это обстоятельство указывает и сам автор и это подтверждается многочисленными сносками. Как и положено при освещении подобных проблем, автор уделил значительное внимание освещению уровня социально-экономического развития народов края и раскрытию сложившейся на Северо-Восточном Кавказе и вокруг него внешнеполитической обстановке. Изложению этих сюжетов предшествует краткий, но верный в своих основных суждениях рассказ о расселении населения, о языковой ситуации в регионе и о многом другом. К сожалению, приходится констатировать, что определение общей численности народонаселения Сев. Кавказа не достаточно аргументировано. Кстати сказать, эта проблема в науке и до сих пор не нашла своего окончательного решения. Нуждаются так же в уточнении численности функционировавшие в крае владения. В этом плане автор пользовался сведениями «Очерков истории СССР до XVIII в», изданных в начале 60-х годов. Заинтересовавшись этим вопросом можно порекомендовать обратиться к обобщающему труду «История народов Северного Кавказа»⁸¹. Говоря о многочисленных языковых группах, автор почему-то не указал, что к ираноязычным народам, кроме осетин, относятся, проживающие на юге Дагестана таты и горские евреи. Автор прав утверждая, что в описываемое время горские народы Северо-Восточного Кавказа исповедовали в основном ислам суннитского направления, укрепившиеся здесь одновременно. Проживали на Кавказе и христиане (часть осетин, терско-гребенские казаки в низовьях Терека, грузины, армяне и др.) и иудеи — горские евреи, были преставители и др. конфессий. Однако, автор несколько архаизирует уровень социально-экономического развития народов. И в этом нет ничего удивительного хотя бы потому, что в используемых им сочинениях отечественных историков по разному решали этот сложный вопрос. Читателям следует знать, что в настоящее время принято считать, несмотря на неравномерность общественно-экономического развития в XVIII в. все же определяющими на Северном Кавказе были феодальные отношения. Кстати сказать, этим в определенной степени и объясняются происходившие в регионе политические баталии.

Значительное внимание наш автор уделяет показу лавирования владетелей Кавказа между Турцией и Россией. Это очень важный во всех отношениях, вопрос. Можно с уверенностью сказать, что эта проблема довольно хорошо описана в отечественной историографии. Следует подчеркнуть, что ничего в этом специфического и свойственного только горским правителям нет. Политикой лавирования широко пользовались и, кстати сказать, до сих пор пользуются правители всех без исключения стран мира. Что же касается описываемого времени, то в обстановке захватнических устремлений больших государств (Турция, Иран, Россия), феодальные владетели Дагестана, как и всего Кавказа, исходя из своекорыстных интересов, ориентировались то на Россию, то на Турцию. Однако, начиная с 20-х годов XVIII в. феодалы, владения которых были близки к южным границам России и которые поддерживали с ней тесные торгово-экономические связи, склонялись на сторону России, обращались в Москву с просьбой принять их в подданство и под покровительство России⁸², а некоторые и подписали такого рода договора. В исторической литературе, касаясь лавирования кавказских владетелей, не без иронии указывалось, что у Шамхала была печать наподобие «двухсоставного кубка, воспетого в «Илиаде» Гомера: из одной половины возлияли богам, а из другой пили за собственное здоровье; так и на шамхальской печати на одной стороне была надпись, обозначающая персидское подданство, а на другой московское, и он прикладывал ее к своим бумагам той или другой стороной, смотря по тому, куда писал — в Шемаху или в Астрахань»⁸³. И такое наблюдалось до XVIII в. Однако, в конце XVIII в. ориентация северо-кавказских правителей на Россию была более стабильной. Все это подтверждается большим числом обращений не только феодальных владетелей, но и письмами, исходящими от народных масс края. И при желании, любознательный читатель может ознакомиться с ними⁸⁴. Возможно даже, именно это обстоятельство и явилось одной из основных причин того, что правители Дагестана Ума-хан Аварский, Магомед-хан Кази-Кумухский и др. не поддержали движение шейха Мансура, хотя по приводимым нашим автором документам, владетели Страны Гор продолжали переписываться с султаном Турции. О многом говорит и такой факт, что даже в период русско-турецкой войны 1768 — 1774 гг., несмотря ни на что, какая-то часть владетелей Северо-Восточного Кавказа и местное мусульманское духовенство придерживались турецкой ориентации, однако, ни щедрые подарки, ни настойчивые призывы эмиссаров султана не соблазнили горцев. Османы так и не достигли желаемых результатов. «Кроме того, что обстоятельства не благоприятствовали этим видам, — признает

историограф турецкого двора, — сами люди, стоящие в то время во главе правительства, как по понятиям, так и по действиям не способны были исполнить дело подобной важности»⁸⁵. Не вдаваясь в оценку умственных способностей членов тогдашнего «высокого правительства», отметим, что главной причиной всем неудачам были широкие слои народов Северо-Восточного Кавказа. На это обстоятельство указывают немало документальных материалов, хранящихся в наших архивохранилищах. «Черный народ (т. е. трудящиеся — В. Г.), — говорится в одном из донесений современника, — о подданстве Крыма слышать не хочет»⁸⁶. Мало того, при поддержке ногайцев русскими войсками было взято укрепление Копыл⁸⁷. И как известно, русско-турецкая война после целого ряда побед русского оружия завершилась полным поражением Высокой Порты и подписанием Кюйчук-Кайнаджирского договора, по условиям которого к России отошла значительная территория между реками Днепром и Бугом. Крым был объявлен независимым «от всякой посторонней власти». Кюйчук-Кайнаджирский договор и Айналы-Кавказская конвенция 1779 г. имели важное значение и для истории народов Кавказа. Присоединение Кабарды к России событие, которое наш автор предпочитает характеризовать как «номинальный» протекторат, несомненно способствовало укреплению её позиций на Северном Кавказе. Еще более прочной стала власть России на Кавказе после создания в 1778 — 1780 гг. укрепленной Кавказской линии с целым рядом крепостей.

К сожалению, дошедшие до нас биографические данные предводителя движения весьма скудны и противоречивы. По сведениям, собранным У. Лаудаевым, Ушурма «алдынский уроженец Артестепжоевой фамилии»⁸⁸. Согласно другим сведениям, он происходил из рода «Элистанжи»⁸⁹. Утверждалось, что шейх был сыном переселенца из ичкерийского селения Элистанжи. Или что он происходит из тайпа Элистанжи, предки которых переселились из сел. Хатуны (Нынешнего Веденского района) в сел. Алды⁹⁰. Согласно сведениям ниже публикуемых документов, «в момент, когда началось его публичное выступление», ему, Ушурме, как будто было 15 или 16 лет. Если это так, то он мог родиться в 1770 или 1769 гг. Обращает на себя внимание и то, что сам издатель документов усомнился, и не без основания, в достоверности указанной даты рождения и предпочел принять дату, фигурировавшую в материалах русского происхождения. Проф. Б. В. Скитский, ссылаясь на П. Г. Буткова и др., полагал, что Ушурма родился в 1760 г. Терещенко и др. считали эту дату приблизительной⁹¹. Однако Ш. Б. Ахмадов в своей монографии безоговорочно признает эту дату достоверной. Очевидно, что нам не следует считать этот вопрос окончательно решенным. Согласно сведениям Нарта, который считает себя

прямым потомком Ушурмы, шейх родился в 1748 г. и во время первого выступления ему шел 37 год⁹². Согласно показаниям самого Ушурмы на допросе 28 июля 1791 г. в тайной экспедиции, «ему тридцать с лишним лет»⁹³. Разноречивы сведения, имеющиеся в распоряжении кавказоведов и о семейном положении шейха. В той же тайной канцелярии Ушурма показал, что он женат, жену зовут Чачи, имеет сына 8 лет, двух дочерей четырех и одного года⁹⁴. Наш автор, со сноской на Хаджи-Юнуса, указывает, что у шейха Мансура было двое детей, но позже он оставил свою семью. Согласно дошедшим до нас семейным преданиям, у Ушурмы было двое детей, дочь Немат и сын Мадакх, которые не оставили потомков⁹⁵. Само собой понятно, что эти данные нуждаются в дополнительной проверке и установлении истины.

Все ученые, в том числе и современные, признают, что свою трудовую деятельность Ушурма начал пастухом (фран. berger). Но, как ни странно, и это сообщение нуждается в уточнении. Следует определить, действительно ли он был пастухом или его так называли незадачливые авторы по незнанию или специально, чтобы его унижить, или в юношеские годы он был чабаном, что неравнозначно пастуху*. У народов Кавказа пастухом обычно называли человека, пасущего скот поблизости от своего селения в световой день, на ночь же стадо возвращается в стойбище. Другое дело чабан, который со своей отарой покидал свой очаг на несколько месяцев и в это время был оставлен один на один с погодной стихией и хищным зверем, а порой вынужден был защищать себя и свой скот от непрошенных наездников. Так что, если пастух занятие, мягко говоря, не совсем популярное, то чабан весьма престижное занятие. Поэтому-то чабан в фольклоре горцев, как правило, весьма положительный герой.

К сожалению, исследователи до сих пор не сумели воссоздать исторический портрет предводителя движения. И поэтому они ограничиваются сведениями Шамиля, хотя, как известно, третий имам признается, что сам шейха не видел, а лишь передает то, что слышал. Вызывает удивление и то, что исследователи, посвятившие многие годы изучению истории борьбы горцев под водительством шейха, не выяснили, где, кем и когда Ушурма был избран или провозглашен шейхом и имамом. Ш. Б. Ахмадов подчеркивает, что «сами чеченцы Мансура (Ушурму) «шейхом» не называли. Обычно его называли или собственным именем — Ушурма, или «Алдара — имам» (чеч.) — алдынский имам. Титул «шейх» (ших) по-видимому дан ему татарами — переводчиками или кумыками»⁹⁶. Однако это утверждение трудно согласовать с имеющимися в нашем распоряжении документами и материалами. Напомним, что Ума-хан аварский называет Ушурму не иначе как «Ших имам Мансур»^{96а}, что согласуется с выше приведенным утверждением У. Лаудаева. В настоящее время трудно согласиться с доводами

нашего автора о социально-политических причинах движения шейха Мансура, но нельзя пройти мимо его суждения о месте и роли местного мусульманского духовенства в движении на Северо-Восточном Кавказе в конце XVIII в. В этой связи определенный интерес представляет так же его рассказ о подготовке духовными лицами Ушурмы к проповедческой деятельности и достигнутыми им в этом направлении успехами.

* Чеченск. — пастух коров — Ту, чабан — жалу (см, А. Т.Карасаев, А. Г. Мациев, Русско-чеченский словарь, М., 1978. С. 386, 689),

Следует особо подчеркнуть, что об этом в свое время писал профессор Н. А. Смирнов. Обращает на себя внимание его положение о том, что неграмотного Ушурму к проповедческой деятельности готовила целая группа «мулл и хаджи». Это мнение ученого воспринимают Ш. Б. Ахмадов и др. кавказоведы. «Чтобы иметь осведомленность в основных догматах Ислама, — пишет он, — Мансуру необходимо было достаточное время и хорошие учителя ».

Отдельные муллы и хаджи вначале выступали в качестве учителей и наставников, а позже сподвижников Мансура во всех его делах. Неграмотный Мансур сам не мог писать ни на арабском, ни на русском языках, вести переписку с местными владельцами и старшинами, с русскими властями и турецкими представителями из Западного Кавказа. Да и вряд ли сам он мог составить воззвание к различным горским народам Кавказа. Это могли делать только те из местных мулл и хаджи, которые хорошо знали арабскую письменность и основные положения ислама и шариата, и сумели использовать в антиправительственных целях»^{1*1}. И далее перечисляет: наиболее авторитетных наставников имама Умар-хаджи из сел. Шали, Ногай-Мирза-хаджи, Бисултан-хаджи и Хамбе-хаджи. «Эти муллы, более чем остальные, — заключает автор, — вели агитацию за признание его (Ушурмы) имамом»⁹⁸. Сведения эти заимствованы автором из статьи Н. А. Смирнова, опубликованной в 1950 г.". Однако, при цитировании допущена некоторая неточность. Н. А. Смирнов писал, что около Ушурмы «по-видимому еще до его выступления уже сформировался небольшой штат учителей и наставников». Упустив слово « по-видимому » Ш. Б. Ахмадов придал мысли своего учителя несколько иную окраску. Но дело не только в этом. Приводя вслед за Н. А. Смирновым список лиц, занимавшихся обучением Ушурмы, без всякого объяснения почему именно они занялись обучением шейха, прямо утверждает, что указанные лица подготовили и использовали предводителя горцев» в антиправительственных целях». Не противоречит ли все это авторской концепции монографии? Правда, через несколько страниц он пишет: «Можно

считать, что не столько религиозные проповеди и чудеса (без кавычек) шейха Мансура, сколько реально сложившаяся обстановка и воля народных масс сыграли решающую роль в переходе Мансура к открытой военно-политической деятельности, когда острие его религиозной пропаганды теперь направлено на организацию масс, на борьбу против усилившихся действий колониальных властей»¹⁰⁰. В публикуемой ниже работе поднимается важный во всех отношениях вопрос о поддержке шейха Мансура соседними народами. А. Беннигсен подчеркивает, что война вспыхнула на всем протяжении «Кавказской» линии, от Кубани до Терека». Утверждается так же, что владетели Кабарды, Осетии, ханы Аварии и Кази-Кумуха, Шамхал Тарковский и др. правители Дагестана письменно обещали, или даже включились в эту борьбу. Однако, присылка любезных писем еще не является доказательством того; что упомянутые владетели включились в борьбу под водительством Мансура. И все же утверждения нашего автора находят поддержку у современных исследователей. Мысль А. Беннигсена дословно повторена в монографии Ш. Б. Ахмадова. «Движение горцев, — пишет он, — началось на всей протяженности Кавказской линии от Кубани до Терека»¹⁰¹. Упомянув о сочувствии Ушурме владетелей Дагестана без каких-либо комментариев, он цитирует письмо эндреевского владетеля Али-Султана Камбулатова, рассказывающее о том, что к Мансуру примкнули даже азербайджанцы: «шекинцы, ширванцы, кубинцы», а так же дагестанские селения, дербентцы, тарковцы и др.¹⁰². Об участии в движении шейха Мансура, особенно на первом этапе, жителей пограничных районов Дагестана мы имели возможность писать ранее. Здесь же не вдаваясь в подробности об участии азербайджанцев в движении, укажем, что Умахан аварский на обращение шейха Мансура оказать ему воинскую помощь ответил письмом следующего содержания: «Ты предлагаешь мне и дагестанскому народу, — писал он, — чтобы подобно населению, подчиняющихся тебе чеченских районов, и отсюда народы пошли сражаться с русскими, но известно, что подобные действия перед русской державой не достигнут цели и станут причиной гибели дагестанцев. Поэтому в твоём деле я не могу быть тебе союзником»¹⁰³. И об этом владетель Аварии известил русские власти на Кавказе. 12 августа 1786 г. кавказскому генерал-губернатору П. С. Потемкину он писал: «просил у меня чеченского общества ших имам Мансур помощи, но токмо оной я ему не дал, наблюдая, чтоб прямая моя с вами дружба и расположение мое на услуги Е. В. была ненарушима»¹⁰⁴. Аналогичные ответы дали Мансуру шамхал Тарковский, Магомед-хан Кази-Кумухский и Кюринский, кади Табасарана и др.¹⁰⁵. В марте 1786 г. посланник Кайтагского владетеля ген. П. С. Потемкину сообщал: «Ушурмы шиха и прочих уверен, что они устоять не могут противу Е. И. В. сил и если б позволила Е. В. их искоренить, то в скорости и дух истреблен будет. Но видно,

что государыня не желает, чтобы была пролита кровь»¹⁰⁶. Табасаранский кади не без раздражения писал: «...о подвигах и делах назвавшегося имамом (т. е. Ушурмы — В. Г.) слышно, но они противны... закону и священному нашему писанию (имеется в виду Коран — В. Г.). Во-первых, в том, что «держание поста и богослужение он уже возбраняет», во-вторых, «богослужение он оправляет не так, как по закону следует». И наконец, в-третьих, — «чинит поборы с народа и приемлет подарки»¹⁰⁷. Эту выдержку из документа цитирует в своей монографии Ш. Б. Ахмадов.. И тут же утверждает что «в то же время муллы и кадии, видя популярность среди горских народов проповедей Мансура, не могли открыто выступать против него»¹⁰⁷. Об отказе владетелей Дагестана Ушурме было известно и кавказскому командованию России. «О собрании лже-пророка разведал, -- писал он в 1786 г. в своем рапорте ген. П. Потемкин, — кроме чеченцев, никого нет»¹⁰⁸. Даже когда стали муссировать слухи о якобы оказываемой владетелями Дагестана Ушурме помощи, ген. П. Потемкин категорично писал, что «это не вероятно» и «не видно чтобы народы в нему стекались». Просьба Мансура о помощи в Дагестане «во всех местах находит отказ»¹⁰⁹. Это мнение в наше время как будто поддерживает А. Д. Яндаров. «Будучи не в силах объединить горцев Чечни и Дагестана, — пишет он, — в прочное боеспособное государство для сопротивления царизму, он (Ушурма — В. Г.) перебирается на западный Кавказ, питая смутные надежды на возможность взаимодействия с Турцией в период очередной русско-турецкой войны, на помощь этой страны в борьбе против царизма»¹¹⁰. В чем тут дело? Трудно даже поверить, что такое могло случиться. Ведь жители Дагестана и Чечни, издревле проживая бок о бок, во всякие трудные времена и особенно когда они подвергались иноземным нашествиям, всегда поддерживали друг друга. И не раз с оружием в руках защищали свою свободу и независимость. Почему же в таком случае в конце XVIII в. произошло несвойственное и необычное явление. В настоящее время ответить на эти вопросы однозначно не представляется возможным. Можно только сказать, что эта важная, во всех отношениях проблема нуждается в специальном изучении. Необходимо, не закрывая глаза на факты, постараться дать объективный ответ на этот вопрос. И при этом, ни в коем случае, повторюсь, нельзя исторические версии преподносить читателям, как исторические факты. Известно, и об этом многократно писано, что многочисленные эмиссары Высокой Порты в конце XVIII в., как впрочем и ранее, вели подрывную деятельность, стараясь использовать горские отряды в своих корыстных целях. Такого рода факты очевидно и послужили основанием для того, чтобы объявить движение Ушурмы инспирированным османами. Однако, даже в годы огульного охаивания, ни один из исследователей, писавших о движении шейха Мансура не привел достоверных фактов, прямо указывающих на это обстоятельство. Наш автор предложил

свою концепцию, которая сводится к тому, что турецкая администрация не только не приложила усилий в организации выступления горцев Северо-Восточного Кавказа под водительством Ушурмы, но и узнав об этом движении, не на шутку обеспокоилась. Османы были встревожены, как бы не заразившись примером Ушурмы, горцы подвластных султану территорий не поднялись на освободительную борьбу против Порты. Это мнение нашло поддержку у автора монографии «Имам Мансур»¹¹².

Из всего вышесказанного видно, что проблема истории наиболее крупного выступления на Северном Кавказе в конце XVIII в. далека от своего окончательного решения. Повторюсь кавказоведам еще предстоит провести целенаправленную кропотливую изыскательную работу. Необходимо продолжить фронтальное обследование материалов, хранящихся в России, Грузии и особенно в странах Ближнего Востока и Западной Европы. Крайне необходимо обследовать так же районы, где разворачивались события, происходившие в 1785 — 1791 гг., собрать и проанализировать все, что осталось в народной памяти о движении шейха Мансура. Хочется верить, что в этом благородном деле окажется полезным нижепубликуемое произведение.

Профессор В. Г. Гаджиев.

-
1. *Cahiers du Monde Russe et Soviétique* № 2 T. V., Avril — Juin 1964 P. 159—205.
  2. *О движении горцев под руководством Шамиля (материалы сессии Дагестанского филиала Академии наук СССР). Махачкала, 1957. Материалы Московской сессии, к сожалению, не были опубликованы.*
  3. *Там же. С. 249. См. так же: К дискуссии о характере движения горцев Дагестана под руководством Шамиля,—Вопросы истории, 1957, № 1.*
  4. *Цит по сохранившемуся у автора этих строк экземпляру «Основные выводы», к которым пришла Московская конференция 19 ноября 1956 г.*
  5. *Русско-дагестанские отношения в XVIII—начале XIX в. (соб. док.) Москва, «Наука», 1988. С. 191, 196 и др. Далее РДО. ; 8 ЦГАРД, ф, Кизлярский комендант, Оп. I, Д. 18. Л. 109—126, 7 Терещенко Л. Лжепророк Мансур — жур. «Сын Отечества» СПб, 1850, № 15 — 16,*

6. Ханьков Н. П. О мюридах. Газ. Кавказ, 18-17. № 15. и Казим-бек М, Мюридизм и Шамиль. – Избранные произведения. Баку, «Эльм», 1985. С. 41.
7. Новоковский М. М. Краткий исторический очерк Сев. Кавказа, рукоп.
8. ХПБ Пуб. библиотека Ф. 6. Оп. I. Д. 6135. Л, 106. .У Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. Т. 2. кн. 2. СПб, 1886. С. 86.
9. Там же. С. 233.
10. Там же. С. 103.
11. Там же. С. 247.
12. Цит. Вопросы истории, религии и атеизма. М., 1950. С. 13 (Далее ВИРА)
13. ВИРА С. 13..
14. Там же. С. 14.
15. Потто В. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1. кн. I. Очерк XII, СПб. 1897. С. 143 — 159.
16. Лавров А. И. Кавказ после Великого Петра. — Покоренный Кавказ.
17. Очерки. СПб, 1904. 20 Прозитлев Г. Шейх Мансур (материалы для истории Кавказской войны)
18. Ставрополь. 1912. 21 Джевдет-Паша. Описание событий в Грузии и Черкессии по отношению к Османской империи от 1492 -- 1202 хиджири. — Русский архив.1887...Т. I. С. 375.
20. Там же. С. 382.
19. 33
21. Там же, С. 378.
22. Юсупов М. М. Шейх-Мансур в исторической памяти народа — Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII в. (тезисы докладов) Грозный, 1992. С. 35—36.
23. Хожаев Д. А.-А. Некоторые семейные предания об Ушурме. Там же. С. 40—42.

24. Рук. фонд ИИЯЛ. Ф. I. док. 29.
25. См. Алкадари. Асари Дагестан. С. 114.
26. Т а м ж е.
27. Сборник сведений о кавказских горцах, выи. VI, Тифлис, 1872, (далее ССОКГ)
28. Чечня и чеченцы. Из-во «Санан». Элиста, 1990. С. 103.
29. Акты Кавказской археографической комиссии. Т. ХП. С. 1403, (далее АКАК).
30. Алкадари Г.-Э. Асари Дагестан... С. 114.
31. Алкадари Г.-Э. Диван ал Мамнун. Темнр-хан-Шура. 1913. С. 60.
32. Т а м ж е.
33. Соколов О. Д., Покровский М. Н. Советская историческая наука. М., «Наука», 1970. С. 114.
34. Покровский М. Н. Дипломатия и войны царской России в XIX столетии. М, 1923. С. 208.
35. Яндаров А. Д. Введение к кн. Ахмадова Ш. Б. «Имам Мансур» (народно-освободительное движение в Чечне и на Сев. Кавказе в конце XVIII в. Грозный, «Книга». 1991. С. 7. а Яндаров А. Д. Шейх Мансур в освободительном движении горцев Северного Кавказа в конце XVIII в. Шейх Мансур ... Тезисы докладов,.. Грозный, 1992. С. 6.
36. Сб. О тех, кого называли абреками. Грозный, 1927.
37. Там же. С. 153.
38. Скитский Б. В. Социальный характер движения имама Мансура — Известия 2-го северо-кавказского педагогического института им. Гадиева. Т. IX. Орджоникидзе, 1932. С. 97 — 126.
39. Т а м ж е. С. 98.
40. Там же. С. 126
41. Там же. С. 98.

42. Виноградов А. Шейх Мансур (Библиотека «Огонек») М., 1934.
43. Бушуев С. К. Борьба горцев за независимость под руководством Шамиля. М.-Л., 1939. С. 16—17.
44. Магомедов Р. М. Борьба Дагестана и Чечни за независимость под руководством Шамиля. Махачкала, 1938. С. 19.
45. Он же. Борьба Дагестана и Чечни за независимость под руководством Шамиля. Махачкала. 1991. С. 19
46. Вопросы Истории, 1947. № 11. С. 134 — 141. Гаджиев В. Г. Движение кавказских горцев под руководством Шамиля в исторической литературе. Махачкала, 1956. С. 18.
47. Смирнов Н. А. Турецкая агентура под флагом ислама (восстание шейха Мансура на Северном Кавказе). ВИРА М., «Наука», 1950. С. 11—63.
48. Вопросы истории, 1950, № 10. С. 19—39. so ВИРА ... С. 32.
49. Там же. С. 34.
50. ВИРА... С. 62—63.
51. Ахмадов Ш. Б. Народное движение в Чечне в конце XVIII в. (автореф. на соиск. степени к. и. н. М., 1974. С. 4.).
Его же. Имам Мансур... С. 38.
52. Очерки по истории Дагестана, вып. I, Махачкала, 1950. С. 126.
53. Магомедов Р. М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII—начале XIX в, Махачкала, 1957. С. 356—357.
54. Очерки истории Дагестана, Том I Махачкала, 1957. С. 210—237.
55. Там же. С. 176.
56. ЦГВИА, Ф. 52. Д. 377. Л. 47.
57. История Кабарды, М, «Наука», 1957. С. 63 — 64.
58. Смирнов Н. А. Политика России на Кавказе в XVI—XIX вв. М., 1958. С. 134 — 135.

59. Блиев М. М. Присоединение Северной Осетии к России. Орджоникидзе, 1959. С. 100 — 101.
60. Клиев М. М. Осетия и первой трети XIX в. Орджоникидзе, 1964. С. 50. История Кабардино-Балкарской АССР. Т. I. М., «Паука», 1967. С. 158.
61. Там же. С. 173 — 174.
62. История Дагестана. Т. I. М., 1967. С. 395 — 396.
63. Там же.
64. Очерки истории Мечено Ингушской АССР, Т. I. Грозный, 1967. С. 87, '8 Магомедов Р. М. История Дагестана. Махачкала, 1968. С. 230—231. 09 Ахмадов Ш. Б. Народное движение в Чечне в конце XVIII в. (автореф. на соиск. степени к. п. н.) М., 1974. С. 8—9.
65. Боцвадзе Т. Д. Народы Северного Кавказа во взаимоотношениях России с Грузией, Тбилиси, «Мецнспреба», 1974. С. 83.
66. Галоян Г. А. Россия и народы Закавказья. М., «Мысль», 1976. С. 106.
67. Киняпила И. С., Блиев М. /VI.. Дегоев В. В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России. М., и', во МГУ, 1984. С. 65—67.
68. История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., «Наука», 1988. С. 453—455.
69. Там же с С. 456.
70. Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII в. (тезисы докладов и сообщений), Грозный, 1992.
71. Шейх Мансур и освободительная борьба народов Северного Кавказа в последней трети XVIII в. Грозный, 1992. С. 38—39.
72. Ибрагимбеи Х.-М. О правде истории и научной добросовестности. В кн. Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20 • 50-х годах XIX в. (Материалы научной конференции 20 — 22 июля 1989 г., Махачкала, 1994. С. 42.
73. Ахмадов Ш. Б. Имам Мансур. Грозный, из-во «Кинга», 1991. С. 3—287. so Там же с. С. 3.

74. ИНСК кн. I. М., «Пука», 1988. С. 366—371.
75. Гаджиев В. Г. Роль России в истории Дагестана. М., «Наука», 1965.
С. 104 — 105.
76. Т а м ж е. С, 85,
77. Кабардино-русские отношения. Т. II. М., «Наука», 1957. Русско-дагестанские отношения в XVIII—начале XIX в. (сб. док.) М., «Наука», 1988.
78. Джевдет-Паша. Указ. соч. С. 372.
79. АКАК Т. I. С. 82.
80. Дружинина Е. И. Кючук-Кайнарджийский мир. М., *Наука», 1955. С. 108.
81. Лаудаев У. Указ. соч. С. 103.
82. Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 86.
83. Шейх-Мансур (тезисы докладов). С. 43.
84. Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 87.
85. Муталимов Т. Об одном источнике о личности шейха Мансура. Шейх Мансур (тезисы док.), Грозный, 1992. С. 43.
86. ВИРА... С. 23.
87. Т а м ж е.
88. Хожаев Д.. А.-А. Некоторые семейные предания об Ушурме (тезисы док.) С. 41.
89. Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 86. Уб.а рдо С. 198.
90. Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 92—93,
91. ВИРА... С. 24.
92. Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 100.

93. Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 152.
94. Там же. С. 151.
95. Алкадири Г.-Э. Указ. соч. С. 113—114,
96. РДО... С. 198.
97. ЦГВИА, Ф. 52 Д. 366. Ч. I. Л. 48; Ч. II. Л. 65; Ч. IV. Л. 95 и др.
98. РДО... С. 290.
99. ЦГВИА Ф. 52. Д. 350. Ч. 5. Л. 9. а Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 92.
100. ЦГВИА Ф. 52. Д. 366. Ч. II. Л. 65.
101. Там же. Л. 93.
102. Яндаров А. Д. Введение к кн. Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 8.
103. Ахмадов Ш. Б. Указ. соч. С. 101—104. И' Там же. Указ. соч. С. 225 — 227.